

(«вид» Платон понимает как отвлеченную идею). Действительно, обобщая признаки целого класса, слово приобретает способность прилагаться ко всему классу и к каждому из его элементов.

Однако выявить языковую специфику общего имени можно только через обоснование того, что множественность вещей, к которым отнесено общее имя, каким-либо образом отражена в семантике самого имени, т. е., иными словами, что общность имени проявляется в его отнесенности к объектам исчисляемым, способным, в языковом представлении, образовывать множества. Подобные смыслы могут существовать только в системе существительного — части речи, грамматические категории которой позволяют представить объект как самостоятельный, особый (хотя не всегда исчисляемый) элемент мира.

«Общее имя» не является общим в таком же смысле, в каком являются общими, например, прилагательные и глаголы — слова частей речи, обладающих гораздо меньшей смысловой и формальной самостоятельностью. (Характерно, что категория числа у признаков частей речи выполняет главным образом чисто реляционную функцию.) В подавляющем большинстве случаев такие языковые единицы не могут сами по себе выражать множественность, равно как и единичность, обозначаемых объектов и лишь повторяют в своей форме числовые характеристики существительного.

В философии высказано предположение о том, что лексический состав языка и совокупность категорий совпадают, т. е. всякое слово, поскольку оно обобщает, может трактоваться как категория для определенного множества вещей (если не ограничиваться философскими категориями и исключить индивидуальные названия) [6] (ср. сходную идею в [7]). Возможность полного отождествления слов и категорий (даже при обыденном понимании последних) проблематична. В то же время положение о «категориальности» слов полных частей речи позволяет разграничить обобщенность, категориальность значения как свойство большинства лексических единиц (в том числе общих имен) и общность ряда существительных, эксплицитно проявляющуюся в способе представления ими денотата. Таким образом, мы приходим к необходимости поиска таких элементов значения общего имени, которые явно выражают его денотативную обобщенность, приложимость к целостным, сохраняющим свою самостоятельность объектам.

В качестве основного (или единственного) из таких значений допустимо определить сему дискретности (противопоставляемую семе недискретности), которая традиционно выделяется во многих грамматических исследованиях. Языковая реальность значения дискретности проявляется в том, что в классах существительных различных языков достаточно четко выделяется подкласс имен, которые без ограничений сочетаются с числительными, используются как в единственном, так и во множественном числе и, таким образом, обозначают отдельные, исчисляемые объекты. Подобные существительные, вероятно, и следует относить к общим.

Такой подход может быть соотнесен с поставленной выше задачей исследования общего имени как отражательной категории. Устойчивая отдельность ряда объектов окружающего мира, позволяющая отождествлять их, исчислять, включать во множества, является одной из важнейших категорий человеческого опыта. Познавательная значимость дискретного может быть обоснована с психологической точки зрения. Доказано, в частности, что отдельные, имеющие достаточно четкие границы предметы выделяются уже на уровне первой сигнальной системы. Выделение таких объектов является необходимой предпосылкой их индивидуации и дальнейшего отождествления [8]. Возможно, в обыденном опыте человек имеет дело прежде всего не с отдельными объектами, а со свойствами. Однако «руководствуясь некоторыми внелогическими, интуитивными соображениями, свойства приписывают вещам или предметам» [9].